

УДК 94(575.2):340.141

**ОБ УСИЛЕНИИ КОНФЛИКТНОСТИ ВНУТРИ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА
В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ ПРАКТИКИ ВЫБОРНОСТИ НАРОДНЫХ СУДЕЙ (1865–1917)
(ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассматривается проблема, вызванная введением практики избрания народных судей в кочевых сообществах Туркестана. Отмечается, что принцип выборности биев, введенный царской властью, был сопряжен с ожесточенной борьбой между родоплеменными кланами и «партиями».

Ключевые слова: Туркестан; родоплеменная рознь; выборы; народные судьи-бии; царизм; борьба кланов и «партий»; «обычное» судопроизводство; кыргызы; казахи.

**ON INTENSIFICATION OF CONFLICT TENDENCIES WITHIN TURKESTAN NOMADIC
POPULATION DUE TO IMPLEMENTATION OF THE PEOPLE'S JUDGES ELECTIVITY PRINCIPLE
INTO PRACTICE (1865–1917) (ON THE BASIS OF ARCHIVAL, LEGAL AND OTHER MATERIALS)**

A.L. Saliev

The problem caused by implementation of the people's judges electivity principle in Turkestan nomadic communities is discussed in the article. It is highlighted that the implemented by the Tsarist authority principle of biys electivity was accompanied by fierce struggle between tribal clans and «parties».

Key words: Turkestan; tribal strife; elections; people's biy-judges; Tsarism; struggle between clans and «parties»; «common» legal proceedings; Kyrgyz people; Kazakh people.

Введение в повседневную жизнь кочевого населения Туркестана практики избрания народных судей, несмотря на объективную демократичность этой формы судебной системы, с истечением времени не стало казаться однозначно оптимальным. Как ни странно, но одним из первых против него выступил известный российский исследователь Центральной и Средней Азии Чокан Валиханов, который в «Записке о судебной реформе» писал о том, что введение выборности кочевых судей-биев пойдет только на руку чиновникам и богатым «киргизам», между которыми начнется борьба, связанная с интригами, подкупом и т. п. Валиханов указывал: «Если же... неблагонамеренный судья будет выбран официально и на срок, то киргизам придется сносить все его гадости до выборного термина... Если судья будет человек богатый, то и выборы, пожалуй, не избавят народ от его несправедливости» [1, с. 93]. Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман в 1873 г. представил в правительство проект нового «Туркестанского положения», в котором предлагал отказаться от

выборности биев, предоставив кочевникам право самим искать сведущих людей, которые могли бы разрешить их проблемы. Однако правительственная комиссия под председательством генерала Непокойчицкого, рассматривавшая проект 1873 г., оставила статус народных судов и судей в интерпретации «Степной комиссии», указав, что «выбор биев народом и утверждение их правительством необходимы для того, чтобы придать суду биев значение не частных, не случайных мнений и рассуждений по поводу возникшего между сторонами спора... а суда правительственного, с обязательным исполнением его решений при помощи правительственной же силы и власти» [2]. Один из первых царских администраторов Туркестана, полковник Г.С. Загряжский, указывал, что, внедрив принцип выборности народного суда, его авторы надеялись на то, что народный суд «туземцев» Туркестана «при конкуренции с нашим мировым судом падет и туземцы скоро станут предпочитать своему суду разбирательство уездных судей» [3, с. 191]. Он отмечал, что авторов Проекта 1867 г. вдохнов-

лял пример упадка суда кадиев у крымских татар, однако, по его мнению, такие надежды оказались сомнительными, поскольку предварительно надо было «выяснить, насколько осуществима надежда на исчезновение народного суда и насколько это желательно в интересах наших», а для этого нужно было «покороче познакомиться с самим судопроизводством, с его технической стороной, с принципами, на которых держится обычное юридическое мирозерцание киргизского народа» [3, с. 192]. Другой деятель туркестанской администрации Ю.Д. Южаков писал в 1891 г. о том, что «выборное начало навязало туземцам чуждые им порядки и произвело коренную ломку их жизни... выборы в настоящем их виде внесли в их жизнь лишь порчу нравов, разврат и разорение» [4, с. 26]. Он отмечал, что введение выборного начала привело к развитию борьбы «партий» (родов и племен – А.С.), интриги, доносы, подкупы и т. п. [4, с. 27]. Южаков указывал, что при выборе народных судей среди «туземцев» проявлялись все те пороки, которые имели место и при выборе должностных лиц «туземной администрации». Известный государственный деятель, ученый В.П. Наливкин писал о том, что «введение выборного начала, при котором народные судьи (казии у оседлых и бии у кочевников), волостные управители и сельские старшины избираются самим населением, не могло не привлечь к нам (русской власти – А.С.) некоторой доли симпатий населения, ибо безличное, бесправное и всеми обиравшееся при ханском правительстве население, получив такое крупное гражданское право как избирательное... не могло не смотреть относительно любовно на ту руку, которая дала ему это избирательное право» [5, с. 82].

Правительственный «ревизор», сенатор Ф.К. Гирс в своем «всеподданнейшем» отчете за (1882–1883 гг.) писал о том, что введение принципа выборности народных судей не оправдало себя, поскольку выборы казиев и биев сопровождаются ожесточенной борьбой разных «партий», интригами, подкупом избирателей и т. п. Сенатор-«ревизор» рекомендовал отменить выборность и перейти к назначению народных судей русской властью [6, с. 339]. Он отмечал, что отдельные чины администрации Туркестанского края требовали внести изменения в систему выборов народных судей и приводил в пример мнение исполнявшего должность туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковского, который считал, что выборы народных судей коренного населения края следует вообще отменить, а назначать их государственной властью, как это имело место до прихода России в Среднюю Азию. Вместе с тем, Гирс писал в отчете

те и о том, «что отнятие Высочайше дарованного права (выборов – А.С.) народу было бы несправедливостью и карой незаслуженной» [6, с. 339]. Поскольку Гирс собирал во время «ревизии» материалы для составления проекта нового «Туркестанского положения», то это мнение нашло отражение в его окончательном варианте, утвержденном в 1886 г. Руководитель правительственной «ревизии» Туркестанского края (в 1908–1909 гг.), сенатор К.К. Пален в своем «всеподданнейшем» отчете писал о том, что введение выборности биев прошло без вредных результатов в Семиреченской области, где «киргизы» жили родами в своих аулах. Иной итог имело введение выборности биев в Сырдарьинской области, где власти сформировали волости и аулы кочевников из представителей разных родов с тем, чтобы они не объединялись во время выборов судей и лиц «туземной администрации». Таким образом, если в Семиреченской области кочевая знать могла сама назначать тех, кого следовало избирать на должности судей, то в Сырдарьинской области во время выборов народных судей расцвели интриги, «межпартийные» (клановые – А.С.) склоки, подкуп избирателей. Пален отмечал, что введение в действие «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. никак не исправило ситуацию в этом отношении, оставив принцип выборности народных судей без изменения. Не внесло ничего нового в судоустройство кочевого населения и «Степное положение» 1891 г., которое также утвердило вышеуказанный принцип на территории Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей¹. В обоих правительственных положениях существовали статьи о прокурорском надзоре за народными судами Туркестанского и Степного генерал-губернаторств, устанавливающие права окружных судов отменять по протестам прокуроров те приговоры народных судов, которые были вынесены с нарушением «подсудности» и «превышением полномочий» [7, с. 39]. Пален указывал, что российское правительство при введении «выборного начала» в судах биев региона надеялось на то, что такая мера двинет вперед развитие кочевого общества. Однако «в действительности оказалось, что родовое начало стало непреодолимым препятствием на пути развития общественности среди киргизов, а выборное самоуправление обострило еще более нескончаемую борьбу родовых партий. Родовые старейшины

¹ Полностью называлось: «Положение об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской // Свод Законов Российской Империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900. С. 262–263 (в основном употреблялось сокращенное название: «Степное положение» 1891 г. – П.Л.)

(джакшиляры) воспользовались самоуправлением как средством для осуществления родовых домогательств и способом для личного обогащения и достижения власти» [7, с. 40]. Пален писал о том, что в год выборов кочевых судей-биев начинается острая борьба родовых партий, интриги, подкупы избирателей и т. п. Сторона, на которой находился волостной управитель и бии, называлась в народе «ак-черю», а сторона конкурирующая – «кара-черю». Во время выборной кампании процветала так называемая «тартма» - перетягивание кибитковладельцев на свою сторону не только подкупом, но часто и силой. В это время увеличивалось число уголовных и прочих дел, заводимых на людей из «кара-черю». В ответ последние писали жалобы, доносы, кляузы и т. п. российским властям на волостных управителей и биев [7, с. 41]. В отчете Палена содержится немало нелицеприятных суждений о выборах кочевых судей-биев, однако он, как и Гирс, нигде не предлагал отказаться от принципа выборности как такового. Таким образом, обе правительственные «ревизии» Туркестанского края не выступили против выборов народных судей. К такому же заключению пришли и государственные «ревизии» Степного края, в который с 1882 г. входили Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская (до 1898 г., после чего она перешла в состав Туркестанского края), а также «степных» областей – Уральской и Тургайской.

Вопрос о выборности народных судей в царистском Туркестане и в последующем оставался (и остается) дискуссионным. Историография советских республик Средней Азии и Казахстана муссировала тезис о том, что указанные суды стали эффективным инструментом царизма в деле угнетения широких трудящихся масс, а выборы биев были средством продвижения на судейские должности послушных «колониальной» администрации лиц. Так, видный советский казахский историк кочевого права и судопроизводства М. Сапаргалиев писал о том, что после присоединения Казахстана и Средней Азии к России «биями-судьями не могли быть избраны люди, негодные царизму и казахским феодалам. Но зато «выборы» открыли широкий доступ в судейские должности тем бездарным и тупым богачам, которые никакого представления не имели о нормах обычного права, о судейских процессуальных порядках, были только богатыми» [8, с. 65–66]. При этом он указывал, что царизм использовал выборы народных судей для усиления родовой вражды и «отвлечения трудящихся от революционной и национально-освободительной борьбы» [8, с. 66]. Постсоветский казахский историк Ж.О. Артыкбаев считает, что «выборы биев стали простой формальностью, обычно

в период выборной кампании сталкивались интересы многих патрионимистических (? – А.С.) групп, то есть родовых» [9, с. 59]. По его мнению, «выборное начало было на руку богатым общинникам и честолюбцам, ускоренными темпами происходило слияние суда с администрацией» [9, с. 60]. Более трезво, взвешенно и ответственно оценивает рассматриваемую проблему историография постсоветского Кыргызстана. Так, академики Д.Д. Джунушалиев и В.М. Плоских пишут о том, что царская власть провела в жизнь немало мер, «которые положительно сказались на развитии кыргызского общества». При этом они признают и тот факт, что царизм передал в руки феодально-байской верхушки кыргызов все дела по управлению и суду [10, с. 170–171].

Мы считаем, что вышеприведенные мнения казахских специалистов о выборах кочевых судей, по меньшей мере, тенденциозны. Если бы выборы проводились формально и недемократично то вряд ли они проходили бы в обстановке ожесточенной борьбы кланов и «партий», принимавшей нередко не только неприглядные, но и опасные черты. Так, военный губернатор Семиреченской области писал исполняющему должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанту Е.И. Мациевскому в рапорте от 14 января 1904 г. о том, что «при выборах должностных лиц Тонской волости (Пржевальского уезда – А.С.), действительно, имела место страшная неурядица, завершившаяся дракой и настолько значительной, что уездный начальник вынужден был прекратить выборы» [11, л. 4 об.]. Семиреченский губернатор указывал, что все это затеяла «партия» юртовладельцев, причем, в этих событиях участвовали и так называемые «манапы», то есть 12 «почетных» киргизов, которых начальник Пржевальского уезда даже вынужден был арестовать и направить в Пржевальск для заключения. Еще сенатор К.К. Пален в своем «всепоподданнейшем» отчете писал о том, что «... назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям выродилось в лицепрятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс» [7, с. 42]. 15 сентября 1893 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант А.Б. Вревский писал в рапорте военному министру П.С. Ванновскому о том, что во время выборов народных судей «стала практиковаться подача жалоб заведомо кляузного характера на неправильное будто бы производство выборов, на подкуп волостных управителей и сельских старшин... В большинстве случаев жалобы бывают коллективные от имени целого сельского общества» [11, л. 3]. Вревский отмечал, что, как выяснила полиция, такие жалобы чаще всего

«возникают по инициативе одного лица», которое желает устранить конкурентов и самому получить выборную должность судьи. Наиболее распространенными кляузы такого рода оказались среди кочевого населения Самаркандской области. Полиции было отдано распоряжение выявить источник кляузничества. Им оказался Ахмед Джумаходжаев, который в последующем за нездоровые интриги во время предвыборной кампании был подвергнут административной ссылке. Известный дореволюционный юрист А. Зуев справедливо отмечал в 1907 г. о том, что при выборах в «киргизские» народные суды повсеместно были распространены разного рода анонимные кляузы, а у казахов сильно «было развито лжедоносительство» [12, с. 187–188]. В документе под грифом «совершенно секретно», представленном Семипалатинскому губернатору в 1916 г., отмечалось, что «главными проявлениями их (казахов – А.С.) общественной жизни являются выборы должностных лиц (управителей и судей), интенсивность партийной борьбы, напряженность настроения, разгар страстей при этом достигают крайних пределов: на выборную агитацию тратятся громадные (сравнительно) суммы – до десятка тысяч рублей в волости и более; *исключительными стимулами при этом являются, конечно, чисто местные, партийные, родовые интересы*» [13, с. 49] (курс. наш – А.С.).

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что институт выборов судей среди кочевого населения Туркестана сложился после того, как у родоправителей (биев) произошло отделение судебных функций от административных. Традиции кочевой демократии позволяли народу выбирать судей, что, однако, происходило не без влияния со стороны родоплеменной верхушки nomadов региона. Естественно, что такие выборы в организационном и институциональном отношении отличались от тех, с которыми кочевые сообщества Центральной Азии столкнулись в последующем. Царская власть в начале рассматриваемого периода (1865–1867 гг.) прибегла к практике назначения судей органами «колониальной» администрации в Туркестане. Однако всеобщая демократизация общественно-политической жизни в царской империи в 1860–1870-х гг. побудила российское правительство ввести принцип выборности народного суда в среде коренного населения региона. Фактически все правительственные «положения», действовавшие в рассматриваемый период в Туркестане и «степных» областях, содержали в себе вышеуказанный принцип. Его реализация представляется вполне демократической, несмотря на то, что царская власть нередко влияла на выборный процесс. В значительной мере влияла на него и местная (так

называемая «туземная») администрация – волостные управители и аульные старшины. Именно поэтому выборный процесс в сфере кочевого суда сопровождался острейшей борьбой разных кланов и «партий» за продвижение на судебские должности своих претендентов, поскольку в будущем такая креатура могла обеспечить солидную поддержку интересов поддержавших ее на выборах кланов и «партий». Главный вывод данной статьи сводится к тому, что, несмотря на все издержки применения принципа выборности народных судей-биев в Туркестане, в рассматриваемый период он себя в целом оправдывал и нес в себе ощутимый потенциал дальнейшего совершенствования.

Литература

1. Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Собр. соч.: в 5 т. Т. 4 / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1985.
2. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758. Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и другими. Л. 38, об.
3. Загряжский Г. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (зан) / Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876.
4. Южаков Ю.Д. Итоги двадцатисемилетнего правления нашего Туркестанским краем / Ю.Д. Южаков. СПб., 1891.
5. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин. Ташкент, 1913.
6. Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884.
7. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1910.
8. Сапаргалиев М. Возникновение и развитие судебной системы Советского Казахстана / М. Сапаргалиев. Алма-Ата, 1971.
9. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана в XIX веке / Ж.О. Артыкбаев. Караганда, 1992. С. 59. Ж.О. Артыкбаев, видимо, имеет в виду «патронимистические» группы (от слова: патронимия) – прим. авт.
10. Плоских В.М. История кыргызов и Кыргызстана: учебник для вузов / В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев. Бишкек, 2009.
11. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3193. Об административной высылке порочных лиц в Туркестанском крае. Л. 4 об.
12. Зуев А. Киргизский народный суд / А. Зуев // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 10.
13. Шалгынбай Ж.Ж. Казахстан в зарубежных источниках и материалах. Библиография до начала XX века / Ж.Ж. Шалгынбай. Алматы, 2009.